
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ GENERAL PSYCHOLOGY

Моральное отчуждение: современные исследования, противоречия и перспективы

Захарова Ю.В.

*Свободный исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info*

Моральное отчуждение — концепт, предложенный А. Бандурой, он представляет собой набор стратегий самообмана, к которым прибегают люди, чтобы сохранять самоуважение и позитивную самооценку при совершении аморальных и неэтичных поступков. Моральное отчуждение связано с разными видами анти-социального поведения, его изучение несет большую пользу обществу и поэтому привлекает внимание исследователей с конца двадцатого века. В статье представлен обзор современных зарубежных исследований морального отчуждения. Описаны основные направления изучения этого феномена: теоретические и поведенческие корреляты; личностные и контекстуальные предпосылки; роль морального отчуждения как предиктора и когнитивного посредника; методы и инструменты изучения морального отчуждения и его механизмов; противоречия, обнаруженные исследователями и дальнейшие перспективы изучения. На сегодняшний день перспективными выглядят исследования морального отчуждения в контексте помогающих профессий и IT-разработки, буллинга и кибербуллинга; механизмов морального отчуждения в конкретных сферах; семейных факторов его проявления; создание узкоспециализированных опросников; построение единой модели морального отчуждения. Изучение морального отчуждения открывает возможности для профилактики аморального и неэтичного поведения.

Ключевые слова: моральное отчуждение, Альберт Бандура, моральная психология, неэтичное поведение.

Благодарности: Автор выражает сердечную благодарность за концептуальную помощь и моральную поддержку научному руководителю кандидату психологических наук Н.В. Кисельниковой.

Для цитаты: Захарова Ю.В. Моральное отчуждение: современные исследования, противоречия и перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 5—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140101>

Moral Disengagement: Contemporary Research, Controversies and Prospects

Yuliya V. Zakharova

*Private practice, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info*

Moral disengagement is a concept proposed by A. Bandura; as a set of self-deception strategies that people resort to in order to maintain self-respect and positive self-esteem when committing immoral and unethical acts. Moral disengagement is associated with various types of antisocial behavior; its study is of great benefit to society and therefore has been attracting the attention of researchers since the end of the twentieth century. The article provides an overview of modern foreign research on moral alienation. The main directions of studying this phenomenon are described: theoretical and behavioral correlates, personal and contextual prerequisites, the role of moral alienation as a predictor and cognitive mediator, methods and tools for studying moral disengagement and its mechanisms, contradictions discovered by researchers and further prospects for study. Today, research into moral disengagement in the context of helping professions and IT development, bullying and cyberbullying; mechanisms of moral disengagement in specific areas; family factors of its manifestation; the creation of highly specialized questionnaires; as well as the construction of a unified model of moral disengagement looks promising. The study of moral disengagement opens up opportunities for the prevention of immoral and unethical behavior.

Keywords: moral disengagement, Albert Bandura, moral psychology, unethical behavior.

Acknowledgements: The author expresses her heartfelt gratitude for conceptual assistance and moral support to the scientific supervisor Ph.D. Kiselnikova N.V.

For citation: Zakharova Y.V. Moral Disengagement: Contemporary Research, Controversies and Prospects [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 5—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140101> (In Russ.).

Введение

Концепция морального отчуждения А. Бандуры объединяет различные стратегии самообмана, к которым прибегают люди, чтобы сохранять самоуважение и позитивную самооценку, совершая аморальные поступки. Описывается восемь механизмов морального отчуждения — когнитивных тактик, которые позволяют избежать моральных самосанкций, активирующихся в связи с аморальным и неэтичным поведением: моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизация, атрибуция вины [6].

Изучение морального отчуждения и его механизмов имеет важное научно-практическое значение, так как аморальное и неэтичное поведение наносит огромный экономический и моральный ущерб на уровне как отдельных людей и организаций, так и общества в целом. Так, например, Э. Холмс (компания Theranos), собравшая инвестиции на разработку инновационного оборудования для быстрых и дешевых анализов, проводимых «по капле крови», оказалась мошенницей. В результате ее деятельности пострадали пациенты, получившие недостоверные анализы, и инвесторы, потерявшие вложенные деньги. Также был нанесен ущерб репутации не только крупных журналов, которые публиковали статьи об истории успеха Э. Холмс и ее фото на обложках, но и организаторов, спонсоров конференций, где Э. Холмс была почетным спикером, а также серьезно подорвано доверие общества к такого рода исследованиям [31].

В данном обзоре пойдет речь о современных исследованиях морального отчуждения: основных направлениях, методах и инструментах изучения, противоречиях, обнаруженных исследователями и о дальнейших перспективах изучения морального отчуждения.

Современные исследования морального отчуждения

С семидесятых годов XX века исследования стратегий самообмана при неэтичном поведении служили интересам бизнеса с целью профилировать такое поведение, приводящее к убыткам и ущербу репутации крупных компаний, и проводились в организационном контексте, в основном в США. Это направление исследований является самым распространенным и в настоящее время — моральное отчуждение широко изучается в организационном контексте в связи с неэтичным и аморальным поведением [4; 23].

В дальнейшем исследования стратегий самообмана свелись к изучению морального отчуждения и распространились на более широкий социальный контекст: взаимоотношения и развитие детей и подростков [5; 25; 35; 40], спортивную психологию [15; 32], криминалистику, поведение заключенных и др. [4]. Современные исследования не только углубляют понимание морального отчуждения в вышеуказанных контекстах, но и охватывают еще более разнообразные ситуации социального взаимодействия, такие как следование правилам во время пандемии [24], агрессия на романтических свиданиях и в семье, неверность и сексуальное насилие [9; 14]. Большое количество исследований посвящено социальным отношениям в Интернете: кибербуллингу [19; 21], онлайн-знакомствам [33]. В последние десятилетия исследования морального отчуждения стали проводиться в контексте помогающих профессий с дисбалансом власти, таких как учителя [16], медсестры [17; 22], полицейские [13], врачи и психологи [1]; однако таких работ все еще мало. Новейшие исследования проводятся в области проявления морального отчуждения у разработчиков программного обеспечения, связанного с искусственным интеллектом в сфере здравоохранения [30].

Теоретические и эмпирические корреляты морального отчуждения

В настоящее время в фокусе внимания исследователей находятся теоретические, поведенческие и нейробиологические корреляты морального отчуждения. Моральное отчуждение часто изучается в связке с «темными» чертами личности. М. Мошаген с коллегами [28] относят моральное отчуждение к одной из девяти черт «Темного фактора личности D». Метаанализ также подтвердил, что черты темной триады — нарциссизм, психопатия, макиавеллизм, а также психологическое право (psychological entitlement) — являются основными теоретическими коррелятами морального отчуждения [4; 28].

Часто моральное отчуждение изучается в качестве эмпирического коррелята в связке с различными видами поведения: издевательствами и травлей, высмеиванием, нечестным и неэтичным поведением на рабочем месте, насилием, в том числе и сексуальным, преступлениями и другими видами бесчеловечного, агрессивного и аморального поведения [1; 4; 17; 19; 20]. Активно ведутся исследования морального отчуждения в связи с буллингом и кибербуллингом — агрессивным поведением людей при взаимодействии в сети Интернет — в социальных сетях, сетевых играх [19; 21]. Так, метаанализ сорока четырех исследований мораль-

ного отчуждения в контексте подросткового буллинга охватил 43809 детей и подростков от 7 до 19 лет (47 независимых выборок), участвовавших как в кибербуллинге, так и в издевательствах «лицом к лицу». Метаанализ строился вокруг ключевых ролей буллинга, таких как агрессор, жертва, защитник, наблюдатель, и показал, что участие в буллинге в роли агрессора или жертвы положительно связано с уровнем морального отчуждения, а участие в роли защитника, напротив, связано отрицательно; также обнаружено отсутствие связи уровня морального отчуждения с ролью наблюдателя [3].

Изучение роли наблюдателя в последние годы привлекает внимание исследователей морального отчуждения, так как эта роль — наиболее распространенная в эпизодах травли. Например, китайскими исследователями ($n = 1655$) приведены такие цифры: 45,86% респондентов только наблюдали травлю, не участвуя ни как жертва, ни как агрессор или защитник [40]. Именно от того, насколько наблюдатели будут готовы вмешаться в ситуацию травли, поддержав защитника, и зависит исход эпизода травли — ее прекращение. Результаты исследований последних лет вступают в противоречие с данными метаанализа — в них показана значимая связь морального отчуждения и поведения наблюдателя. Чем выше моральное отчуждение у наблюдателя, тем меньше вероятность, что он вмешается в ситуацию травли. Также выявлены противоречия относительно влияния на поведение наблюдателя контекстуальных факторов, таких как, например, социальная поддержка. Социальная поддержка, по данным исследований, может облегчать решение наблюдателя вмешаться в ситуацию, однако наряду с этим есть работы, где показано, что социальная поддержка, наоборот, может помогать наблюдателю остаться безучастным к травле [16; 40].

Продолжаются исследования морального отчуждения в школьном контексте: его высокий уровень связан с нарушением школьных норм, более высокие показатели — с нарушением закона [25]. Все больше исследований морального отчуждения проводится в контексте интимных отношений, где моральное отчуждение изучается в связке с насилием, неверностью, потреблением порно [14]. Моральное отчуждение также изучается в связи с возрастом, полом и контекстуальными факторами развития детей. Исследования показали, что общий уровень морального отчуждения увеличивается в средне-подростковом возрасте и снижается к возрасту ранней взрослости [37]. Данные исследований о связи пола и морального отчуждения остаются неизменными: уровень морального отчуждения выше у мальчиков и у мужчин [18; 20; 21].

Новейшие исследования касаются нейробиологических коррелятов морального отчуждения. Получены данные о соотношении показателей моральной идентичности и противопоставленного ей морального отчуждения с нейробиологическими показателями: уровень региональной однородности в предклинье

головного мозга положительно коррелирует с показателями моральной идентичности и отрицательно — с моральным отчуждением. Это исследование подводит итог противоречию, которое касалось соотношения морального отчуждения и моральной идентичности — точка зрения некоторых ученых о том, что высокие показатели моральной идентичности связаны с высоким, а не с низким моральным отчуждением, оказалась несостоятельной [29].

Область исследований коррелятов морального отчуждения расширяется с каждым годом, охватывая разнообразные сферы человеческого взаимодействия и поведения. Наряду с областями изучения морального отчуждения, где ученые пришли к согласию (теоретические корреляты морального отчуждения, его связь с полом), существуют также области, например буллинг, в которых получены противоречивые данные и ведутся научные споры. Роль морального отчуждения наблюдателей травли и факторов, которые на него влияют, в настоящее время требует уточнений и дополнительных исследований.

Моральное отчуждение как предиктор

В рамках изучения морального отчуждения в различных профессиональных и социальных контекстах (организационном, спортивном, школьном, тюремном, сетевом и др.) были описаны модели, где моральное отчуждение являлось предиктором, когнитивным посредником и модератором антисоциального, аморального, неэтичного и проблемного поведения [19; 20; 21; 24].

В частности было показано, что уровень морального отчуждения может предсказывать поведение в широком спектре социальных взаимоотношений — от агрессии по отношению к партнеру [14] до академической нечестности в высших учебных заведениях [18]. Моральное отчуждение у спортсменов предсказывает агрессивное неспортивное поведение [15], использование допинга [32], у подростков — буллинг [25], а у медсестер — неэтичное поведение по отношению к пациентам [17; 22]. Моральное отчуждение в организационном контексте предсказывает не только неэтичное поведение на рабочем месте, но и низкую эффективность при выполнении рабочих задач. Оно также отрицательно связано с организационным гражданским поведением (organizational citizenship behavior) в качестве готовности помогать другим, балансировать между интересами членов группы и своими [4; 17]. Интересно, что эти связи наблюдаются не только у одной и той же личности, но и во взаимоотношениях между разными людьми. Например, высокое моральное отчуждение вузовских преподавателей предсказывает выученную беспомощность и академическую прокрастинацию у их студентов [39]. В настоящее время в качестве предиктора исследуется не только индивидуальное, но и коллективное моральное отчуждение. Так, показана связь между коллективным моральным отчуждением, авторитарным преподаванием сканди-

навских учителей, низким качеством отношений «учитель—ученик» и развитием индивидуального морального отчуждения [5].

Наряду с продолжающимися исследованиями морального отчуждения как предиктора, в настоящее время появилось большое количество исследований, где моральное отчуждение активно исследуется в роли когнитивного посредника между различными личностными чертами, контекстуальными факторами и аморальным поведением. Так, моральное отчуждение опосредует низкое сострадание к другим и поведение высмеивания [20], повседневную низкую нравственную чувствительность наблюдателей при школьной травле и поведение невмешательства [40]. Получены данные о посреднической роли морального отчуждения между мотивационным климатом, создаваемым тренером, и поведением спортсменов: неблагоприятный мотивационный климат связан с антисоциальным поведением по отношению как к соперникам, так и к товарищам по команде через использование механизмов морального отчуждения [15]. Также исследовалась посредническая роль морального отчуждения между перфекционизмом спортсменов и их готовностью применять допинг [32]. Посредническую роль морального отчуждения, наряду с негативными эмоциями, также выделяют исследователи контрпродуктивного поведения у курсантов итальянской полиции как реакцию на несправедливость в организации [13]. Моральное отчуждение показано как модератор между психопатией и академической нечестностью у греческих студентов [18]. Также моральное отчуждение изучалось в качестве модератора между виктимизацией и высокой толерантностью к насилию [9].

Количество исследованных переменных, опосредуемых моральным отчуждением, возрастает год от года (самоконтроль, перфекционизм, зависть, сострадание и многие другие). Поэтому выстроенные исследователями модели морального отчуждения постоянно требуют дальнейших уточнений и дополнений. Контекстуальные факторы морального отчуждения, описанные ниже, вводят дополнительное измерение, которое должно учитываться в моделях морального отчуждения: динамику изменения морального отчуждения во времени [4; 23].

Таким образом, исследования морального отчуждения как предиктора аморального и неэтичного поведения со временем привели к его изучению в качестве когнитивного посредника и модератора. Также в настоящее время в этой роли изучается не только индивидуальное, но и коллективное моральное отчуждение. Модели морального отчуждения с каждым годом усложняются, вмещающая новые переменные.

Диспозиционные и контекстуальные предпосылки морального отчуждения

Ряд исследований морального отчуждения направлен на выявление личностных и ситуационных предпосылок проявления морального отчуждения. В рам-

ках социально-когнитивной теории А. Бандура описывал моральное отчуждение как когнитивный процесс. Однако исследования морального отчуждения А. Бандуры и его коллег строились таким образом, как если бы моральное отчуждение было диспозиционной чертой личности. Следуя этой традиции, исследователи морального отчуждения также фокусировались на его диспозиционных предпосылках, однако в дальнейшем все больше исследований стало посвящаться контекстуальным факторам морального отчуждения. Вопрос о соотношении и взаимовлиянии личностных и контекстуальных факторов до сих пор актуален. Выдвигаются различные гипотезы; так, например, исследователи полагают, что чем чаще человек ситуативно прибегает к тактикам морального отчуждения, тем больше оно развивается как личностная черта, в результате чего чаще используется, распространяясь на другие контексты [4; 23].

Моральное отчуждение изучалось в соотношении с различными личностными характеристиками: эмпатией, когнитивным моральным развитием, моральной идентичностью, добросовестностью, локусом контроля, чертами темной триады [17; 18; 21; 24; 38]. Результаты масштабного метаанализа, проведенного в 2022 г., показали, что основными диспозиционными предпосылками проявления морального отчуждения являются низкий уровень эмпатии, добросовестности, идеализма, честности/скромности (фактор «Честность» модели HEXACO), интернализации моральной идентичности, а также высокие показатели релятивизма и склонности к переживанию чувства вины [4].

Современные исследования морального отчуждения не только углубляют понимание его связи с выше-означенными личностными характеристиками, но и расширяют список личностных предпосылок. Так, например, последние исследования посвящены связи морального отчуждения с личной относительной депривацией, злонамеренной завистью, самоконтролем, психологической разумностью, моральным перфекционизмом и т. д. [1; 19]. Моральное отчуждение изучалось в связке с толерантностью к неопределенности и состраданием к другим людям: исследователи пришли к выводу, что высокое моральное отчуждение связано с низкой толерантностью к неопределенности и низким состраданием [20].

Изучение контекстуальных предпосылок вносит важный вклад в понимание происхождения и динамики развития морального отчуждения. Наиболее изученной является область организационного контекста, однако внимание исследователей привлекают не только рабочие коллективы и этический климат в организациях. Исследования морального отчуждения в спортивных командах, школьных коллективах со временем привели к изучению семейных факторов, влияющих на моральное отчуждение.

Взрослые люди могут коллективно дистанцироваться от моральных стандартов, и тогда моральное отчуждение выступает коллективной характеристикой

такой группы. В качестве существенных контекстуальных предпосылок проявления морального отчуждения в организационном контексте исследователи выделяют несправедливую организационную политику (кумовство, стремление к удовлетворению личных интересов, безнаказанность при неэтичном поведении), а также оскорбительный надзор — стиль управления, предполагающий отношение к сотрудникам как к потенциальным нарушителям. Этическое лидерство и справедливая организационная политика в качестве сдерживающих факторов проявления морального отчуждения показали меньший эффект. Использование тактик морального отчуждения может распространяться в коллективах посредством «социального заражения» [4].

Ряд исследователей предполагают, что моральное отчуждение по своей сути является коллективным явлением, которое порождается этическим климатом в сообществе. Так, например, на моральное отчуждение у детей влияет их окружение. Лонгитюдное исследование южнокорейских школьников при помощи анализа их соцсетей показало, что дети со временем стали больше походить на своих друзей в том, что касается морального отчуждения и чувства общности со сверстниками [35]. Исследование ($n = 1373$), проведенное на выборке скандинавских школьников, показало, что коллективное моральное отчуждение (наряду с другими факторами, такими как, например, позитивные отношения между учителями и учениками) влияет на уровень индивидуального морального отчуждения [5]. Исследователи выявили, что моральное отчуждение у одних и тех же людей может по-разному проявляться в разных сферах их жизни; так, у молодых людей в контексте интернет-взаимодействий оно выше по сравнению с семейным и дружеским контекстом [34].

В последние годы интерес исследователей связан с изучением семейных факторов, связанных с моральным отчуждением. Однако данные по таким исследованиям пока являются противоречивыми. Так, в одном исследовании выявлена отрицательная связь морального отчуждения детей с авторитарным стилем родительского воспитания и положительная — с попустительским [12]. Однако в другом исследовании низкое моральное отчуждение у детей связывалось с отзывчивостью родителей и предоставлением детям автономии через формирование сильной моральной идентичности [27]. Исследователи из Испании уточнили посредническую роль морального отчуждения при трансгенерационной передаче паттерна семейного насилия: дети, подвергавшиеся насилию в детстве, потом осуществляют насилие над своими родителями, применяя моральное отчуждение, также выявлена посредническая роль морального отчуждения между воспринимаемой подростками родительской теплотой и насилием по отношению к родителям [7; 8].

Список личностных и контекстуальных предпосылок морального отчуждения расширяется с каждым годом. Важный дискуссионный вопрос о связи и взаимовлия-

нии диспозиционных и контекстуальных факторов, влияющих на моральное отчуждение, остается открытым. Популярными в последнее время исследованиями в области контекстуальных факторов морального отчуждения сместились в сторону изучения семейных факторов, в этой области данные пока являются противоречивыми.

Инструменты и методы исследования морального отчуждения и его механизмов

Модификации классического опросника А. Бандуры и коллег, направленного на изучение агрессивного поведения подростков в школах, привели к появлению нескольких опросников морального отчуждения в различных контекстах (организационном, спортивном). Опросник С. Мур и коллег [38] не только надежно предсказывает связь высокого уровня морального отчуждения и неэтичного поведения в организационном контексте, но и достаточно универсален, чтобы использовать его для исследования широкого круга вопросов, связанных с проявлением морального отчуждения. Две из трех форм этого опросника (MD-8, MD-24) были успешно адаптированы на российской выборке респондентов [2; 38].

Дизайн исследований морального отчуждения часто выстроен вокруг самоотчетов и кейсов, предлагаемых респондентам для анализа. Однако в связи с тем, что существует разрыв между моральными суждениями и моральным поведением, некоторые исследователи не только сопоставляют уровень морального отчуждения и решение умозрительных этических задач, но также и моделируют ситуации морального выбора. Так, например, Дж. Детерт с коллегами [10] предложили респондентам ряд кейсов, один из которых позже проверили: используя сходную ситуацию в реальной жизни, исследователи вынудили респондентов совершить моральный выбор. Часть респондентов поступили нечестно, несмотря на продемонстрированные ранее социально приемлемые моральные суждения [10].

Появление опросника С. Мур совпало с резким увеличением количества исследований морального отчуждения. Так, по данным интернет-ресурса PubMed, за период с 1996 по 2012 г. было опубликовано около 90 статей, посвященных моральному отчуждению, а в последующие 10 лет — с 2013 по 2023 — более 450.

Наряду с опросником С. Мур, существуют опросники для узкоспециализированных контекстов. В частности, разработаны: опросники выявления морального отчуждения у медсестер, которые хорошо предсказывают их неэтичное поведение [22]; опросник морального отчуждения при кибербуллинге [21]; этническая шкала морального отчуждения для оценки склонности к травле по национальному признаку [11].

Изучая конкретные механизмы морального отчуждения, можно выявить специфические механизмы, используемые людьми при аморальном и неэтичном

поведении в разных областях человеческих взаимоотношений. Эти данные могут быть использованы для увеличения информированности и профилактики такого поведения. Изучение конкретных механизмов морального отчуждения, как правило, осуществляется посредством глубинных или полуструктурированных интервью, где респонденты рассказывают о своем опыте, рассуждают на тему предложенных им этических дилемм [1; 16; 36]. Существуют исследования, материалом для которых послужили публичные заявления пиар-служб компаний, наносящих своей деятельностью вред экологии и здоровью людей (производители табака, свинца, мяса), а также исследования, в которых применялся контент-анализ соцсетей респондентов [23; 26; 35].

Н.С. Перейра и коллеги [16] изучали механизмы морального отчуждения на примере кибербуллинга. Интервьюирование учителей на предмет их отношения к кибербуллингу среди учащихся и необходимости вмешательств для его прекращения выявило в рассуждениях учителей маркеры механизмов морального отчуждения, способствующие преуменьшению не только серьезности кибербуллинга, но и своей ответственности за необходимость вмешательства в такие ситуации. Учителя чаще всего использовали такие механизмы, как рассеивание ответственности и искажение последствий [16].

Исследование морального отчуждения у членов колумбийских незаконных вооруженных формирований проводилось с использованием контент-анализа глубинных интервью и позволило выявить в рассуждениях респондентов все восемь механизмов морального отчуждения. Особенно часто преступники использовали механизмы смещения ответственности и морально-го оправдания [36].

Роль морального отчуждения в медийном дискурсе о производстве мяса и молочных продуктов была изучена путем контент-анализа интервью с участниками рынка: производителями, ритейлерами. Так, были выявлены предпочитаемые участниками маркеры и механизмы морального отчуждения: эвфемизация, выгодное сравнение, моральное оправдание [26].

Исследователи морального отчуждения у подростков выявили, что именно механизм дегуманизации является ранним показателем возникновения антиобщественного поведения: по сравнению с контрольной группой он высокий у нарушителей школьных норм и еще выше у нарушителей закона [25]. Психологи-консультанты, описывающие поведение, содержащее риски эксплуатации и нанесения вреда клиентам, также демонстрировали механизм дегуманизации, наряду с механизмом атрибуции вины [1]. Изучение морального отчуждения в контексте детско-родительских отношений показало, что подростки, проявляющие насилие по отношению к родителям предпочитают следующие механизмы: моральное оправдание, атрибуция вины, искажение последствий, смещение ответственности [8].

Появление первого опросника морального отчуждения в школьном контексте впоследствии привело к созданию универсального опросника. В настоящее время развитие инструментов измерения морального отчуждения движется в направлении увеличения количества узкоспециализированных опросников для отдельных контекстов, отраслей и профессий. В результате исследований механизмов морального отчуждения удалось выделить предпочитаемые механизмы для представителей конкретных профессий, в разных социальных ситуациях, используемых при участии в различных типах антисоциального поведения. Знание действия конкретных механизмов морального отчуждения в различных контекстах помогает профилактике аморального и неэтичного поведения путем увеличения осознанности — как у представителей конкретных профессий, так и в обществе в целом.

Проблемы, противоречия и перспективы исследований морального отчуждения

Моральное отчуждение определяется как предиктор и когнитивный посредник различных видов антисоциального и проблемного поведения, сложный многомерный феномен, связанный как с личностными, так и с контекстуальными факторами, которые находятся во взаимовлиянии. Сфера исследований морального отчуждения расширяется от служения интересам бизнеса до более широкого, социально-значимого контекста, охватывая различные сферы человеческого взаимодействия. Редкие исследования морального отчуждения в области помогающих профессий имеют исследовательский потенциал при высокой значимости их для общества. Также в связи с развитием искусственного интеллекта и все большим его использованием в различных сферах социального взаимодействия, таких, например, как здравоохранение, изучение и профилактирование морального отчуждения у разработчиков программного обеспечения, является важным и перспективным направлением будущих исследований.

Большое количество исследований морального отчуждения в сфере буллинга и кибербуллинга не только углубляет понимание когнитивных механизмов этого явления, но и ставит перед исследователями новые вопросы, связанные с его профилактикой. Ученые пытаются расширить круг изучаемых личностных предиспозиций, связанных с моральным отчуждением и буллингом, таких, например, как самоконтроль, развивая которые можно предотвращать агрессивное поведение. Противоречия касаются роли наблюдателя травли и поведения невмешательства — мнения о когнитивном посредничестве морального отчуждения расходятся. Также нет согласия в части контекстуальных факторов буллинга, например роли воспринимаемой наблюдателями социальной поддержки. Все эти вопросы являются перспективными для исследования морального отчуждения в данном контексте.

В связи с увеличением количества исследований, где моральное отчуждение показано не только предиктором аморального и неэтичного поведения, но и когнитивным посредником и модератором между разными видами переменных, возникают сложности с построением единой общей модели морального отчуждения, в которой могли бы быть учтены все переменные и их взаимовлияние. Модели морального отчуждения, выстроенные, например, в школьном контексте учитывают контекстуальные факторы, связанные со школьным климатом, отношениями «учитель—ученик», но оставляют за пределами семейные факторы. Начавшиеся современные исследования семейных факторов развития морального отчуждения пока, к сожалению, проводятся довольно редко, данные являются противоречивыми.

Также в настоящее время не сняты методологические противоречия в изучении морального отчуждения как личностной черты и как процесса, порожденного контекстом. Это не только затрудняет сопоставление данных при проведении метаанализов исследований, но и ставит дополнительные вопросы о взаимовлиянии диспозиционных и контекстуальных факторов, влияющих на моральное отчуждение.

Перспективным направлением исследований является создание узкоспециализированных опросников морального отчуждения. Такие инструменты помогут более тщательно проводить отбор и оценку персонала в общественно важных сферах социального взаимодействия. Исследования конкретных механизмов морального отчуждения в различных отраслях, и особенно в помогающих профессиях, также могут помочь профилировать риски нанесения вреда конкретным людям и обществу.

Выводы

Моральное отчуждение является сложным многомерным феноменом, который изучается около трех

десятилетий. Моральное отчуждение связано с аморальным и неэтичным поведением, его изучение несет большую пользу обществу и поэтому привлекает особое внимание исследователей. Появление универсального опросника С. Мур катализило изучение морального отчуждения, благодаря чему исследования распространились с изучения морального отчуждения в детско-подростковой и организационной сферах на широкий спектр различных социальных взаимодействий. В результате этого произошло расширение понимания феномена морального отчуждения, от коррелятов морального отчуждения фокус исследований сместился на личностные и контекстуальные факторы морального отчуждения. Также исследователи пытаются выстроить более точные модели, отражающие модераторскую и посредническую роль морального отчуждения, учитывающие изменение морального отчуждения в динамике. Большое количество корреляционных исследований морального отчуждения со временем привело к появлению качественных исследований морального отчуждения и его механизмов в разных сферах, в том числе в сфере помогающих профессий. Перспективными являются исследования морального отчуждения не только в этой сфере, но и среди IT-разработчиков, деятельность которых связана с искусственным интеллектом. Противоречивыми и перспективными выглядят исследования буллинга и кибербуллинга, семейных факторов. Многообещающим направлением исследований видится дальнейшее изучение механизмов морального отчуждения в различных сферах, а также создание узкоспециализированных опросников. Сложной исследовательской задачей по-прежнему остается построение единой модели морального отчуждения, учитывающей всю сложность этого феномена. Изучение морального отчуждения открывает дальнейшие возможности для профилактики аморального и неэтичного поведения, выявляя противоречия, которые могут стать перспективными для дальнейших исследований.

Литература

1. Захарова Ю.В. Проявление морального отчуждения у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 21. № 1. С. 123—143. DOI:10.17323/1813-8918-20234-1-123-143
2. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова, Е.В. Казенная, Ю.Л. Сорокина // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23—39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402
3. A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth / B. Killer, K. Bussey, D.J. Hawes, C. Hunt // Aggressive Behavior. 2019. Vol. 45. № 4. P. 450—462. DOI:10.1002/ab.21833
4. A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work / B.T. Ogunfowora, V.Q. Nguyen, P. Steel, C.C. Hwang // Journal of Applied Psychology. 2022. Vol. 107. № 5. P. 746—775. DOI:10.1037/apl0000912
5. A short-term longitudinal study on the development of moral disengagement among schoolchildren: the role of collective moral disengagement, authoritative teaching, and student-teacher relationship quality / M. Bjärehed, B. Sjögren, R. Thornberg, G. Gini, T. Pozzoli // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article ID 1381015. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1381015
6. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. New York: Worth Publishers, 2016. 446 p.

7. *Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C.* Exposure to Violence during Childhood and Child-to-Parent Violence: The Mediating Role of Moral Disengagement // *Healthcare*. 2023. Vol. 11. № 10. Article ID 1402. 13 p. DOI:10.3390/healthcare11101402
8. *Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C.* Lagged Effect of Parental Warmth on Child-to-Parent Violence through Moral Disengagement Strategies // *Children*. 2024. Vol. 11. № 5. Article ID 585. 15 p. DOI:10.3390/children11050585
9. *Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I., Martín-Mora Parra G.* Moral Disengagement as a Moderating Factor in the Relationship between the Perception of Dating Violence and Victimization // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. № 14. Article ID 5164. 14 p. DOI:10.3390/ijerph17145164
10. *Detert J.R., Trevino L.K., Sweitzer V.L.* Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes // *Journal of Applied Psychology*. 2008. Vol. 93. № 2. P. 374—391. DOI:10.1037/0021-9010.93.2.374
11. Development and Validation of the Ethnic Moral Disengagement Scale / M.G. Lo Cricchio, F. Stefanelli, B.E. Palladino, M. Paciello, E. Menesini // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12. Article ID 756350. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.756350
12. *Di Pentima L., Toni A., Roazzi A.* Parenting Styles and Moral Disengagement in Young Adults: The Mediating Role of Attachment Experiences // *The Journal of Genetic Psychology*. 2023. Vol. 184. № 5. P. 322—338. DOI:10.1080/00221325.2023.2205451
13. *Farnese M.L., Scafuri Kovalchuk L., Cova E.* Ineffective kintsugi: The detrimental contribution of emotional and cognitive factors on psychological contract breach outcomes // *Work*. 2024. Vol. 79. P. 1091—1102. DOI:10.3233/WOR-230550
14. *Ferreiros L., Clemente M.* Detection of intimate partner aggression through dark personality and moral disengagement // *Cadernos de Saude Publica*. 2023. Vol. 39. № 9. Article ID e00073523. 12 p. DOI:10.1590/0102-311XEN073523
15. *Gürpınar B., Sari I.H., Yildirim H.* Perceived coach-created empowering and disempowering motivational climate and moral behaviour in sport: mediating role of moral disengagement // *Journal of Sports Sciences*. 2023. Vol. 41. № 9. P. 820—832. DOI:10.1080/02640414.2023.2240614
16. «It is Typical of Teenagers»: When Teachers Morally Disengage from Cyberbullying / N.S. Pereira, P.D.C. Ferreira, A.M. Veiga Simão, A. Cardoso, A. Barros, A. Marques-Pinto, A.I. Ferreira, A.C. Primor, S. Carvalhal // *Spanish Journal of Psychology*. 2022. Vol. 25. Article ID e30. 13 p. DOI:10.1017/SJP.2022.27
17. *Ke Y., Li F.* Moral disengagement, moral identity, and counterproductive work behavior among emergency nurses // *Nursing Ethics*. 2025. Vol. 32. № 1. P. 111—124. DOI:10.1177/09697330241238336
18. *Kokkinos C.M., Antoniadou N.* Understanding Academic Dishonesty in University Settings: The Interplay of Dark Triad Traits and Moral Disengagement // *The Journal of Genetic Psychology*. 2024. Vol. 185. № 5. P. 309—322. DOI:10.1080/00221325.2023.2297850
19. *Li H., Guo Q., Hu P.* Moral disengagement, self-control and callous-unemotional traits as predictors of cyberbullying: a moderated mediation model // *BMC Psychology*. 2023. Vol. 11. Article ID 247. 11 p. DOI:10.1186/s40359-023-01287-z
20. *Maftei A.* The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty // *BMC Psychology*. 2023. Vol. 11. Article ID 26. 10 p. DOI:10.1186/s40359-023-01063-z
21. Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying / S.M. Francisco, P. da Costa Ferreira, A.M. Veiga Simão, N.S. Pereira // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article ID 1061482. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1061482
22. *Mohammadpour A., Salehi H., Moghaddam M.B.* Psychometric properties of the Persian version of the nursing moral disengagement scale // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2023. Vol. 16. Article ID 15. 16 p. DOI:10.18502/jmehm.v16i15.14614
23. Moral disengagement at work: A review and research agenda / A. Newman, H. Le, A. North-Samardzic, M. Cohen // *Journal of Business Ethics*. 2019. Vol. 167. P. 535—570. DOI:10.1007/s10551-019-04173-0
24. Moral Disengagement, Dark Triad and Face Mask Wearing during the COVID-19 Pandemic / G. Chávez-Ventura, H. Santa-Cruz-Espinoza, J. Domínguez-Vergara, N. Negreiros-Mora // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022. Vol. 12. № 9. P. 1300—1310. DOI:10.3390/ejihpe12090090
25. Moral Disengagement in Adolescent Offenders: Its Relationship with Antisocial Behavior and Its Presence in Offenders of the Law and School Norms / D. Agudelo Rico, C. Panesso Giraldo, J.S. Arbel ez Caro, G. Cabrera Gutiérrez, V. Isaac, M.J. Escobar, E. Herrera // *Children*. 2024. Vol. 11. № 1. Article ID 70. 14 p. DOI:10.3390/children11010070
26. Moral disengagement in the media discourses on meat and dairy production systems / C. Schübler, S. Nicolai, S. Stoll-Kleemann, B. Bartkowski // *Appetite*. 2024. Vol. 196. Article ID 107269. 11 p. DOI:10.1016/j.appet.2024.107269
27. *Morgan B., Fowers B.* Empathy and authenticity online: The roles of moral identity, moral disengagement, and parenting style // *Journal of Personality*. 2022. Vol. 90. № 2. P. 183—202. DOI:10.1111/jopy.12661
28. *Moshagen M., Zettler I., Hilbig B.E.* Measuring the dark core of personality // *Psychological Assessment*. 2020. Vol. 32. № 2. P. 182—196. DOI:10.1037/pas0000778

29. Neural correlates of individual differences in moral identity and its positive moral function / W. Zhu, K. Wang, C. Li, X. Tian, X. Wu, K. Matkurban, L.X. Xia // *Journal of Neuropsychology*. 2024. Vol. 18. № 3. P. 427—440. DOI:10.1111/jnp.12371
30. Not in my AI: Moral engagement and disengagement in health care AI development / A.A. Nichol, M.C. Halley, C.A. Federico, M.K. Cho, P.L. Sankar // *The Pacific Symposium on Biocomputing*. 2023. Vol. 28. P. 496—506. DOI:10.1142/9789811270611_0045
31. Paul K. Elizabeth Holmes to be sentenced nine months after guilty verdict [Электронный ресурс] // *The Guardian*. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/13/elizabeth-holmes-sentence-september-fraud> (дата обращения: 01.10.2024).
32. Perfectionism and doping willingness in athletes: The mediating role of moral disengagement / G.E. Jowett, N. Stanger, D.J. Madigan, L.B. Patterson, S.H. Backhouse // *Psychology of Sport and Exercise*. 2023. Vol. 66. Article ID 102402. 18 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2023.102402
33. Sánchez-Jiménez V., Rodríguez-de Arriba M.L., Muñoz-Fernández N. Is This WhatsApp Conversation Aggressive? Adolescents' Perception of Cyber Dating Aggression // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 19—20. P. 17369—17393. DOI:10.1177/08862605211028011
34. Saulnier L., Krettenauer T. Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample // *Journal of Adolescence*. 2023. Vol. 95. № 2. P. 264—283. DOI:10.1002/jad.12112
35. Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community / J. Kim, J.J. Sijtsema, R. Thornberg, S.C.S. Caravita, J.S. Hong // *Journal of Youth and Adolescence*. 2024. Vol. 53. P. 732—743. DOI:10.1007/s10964-023-01916-1
36. Violent Extremism and Moral Disengagement: A Study of Colombian Armed Groups / A. Blanco, A. Davies-Rubio, L. De la Corte, L. Mir n // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 1—2. P. 423—448. DOI:10.1177/0886260520913643
37. Walters G.D. Changes in criminal thinking from midadolescence to early adulthood: Does trajectory direction matter? // *Law and Human Behavior*. 2022. Vol. 46. № 2. P. 154—163. DOI:10.1037/lhb0000468
38. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement And Unethical Organizational Behavior / C. Moore, J.R. Detert, V.L. Baker, D.M. Mayer // *Personnel Psychology*. 2012. Vol. 65. № 1. P. 1—48. DOI:10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x
39. Wu W., He Q. The Roles of Moral Disengagement and Learned Helplessness Towards International Postgraduate Students' Academic Procrastination // *Psychology Research and Behavior Management*. 2022. Vol. 15. P. 1085—1104. DOI:10.2147/PRBM.S343135
40. Xie Z., Liu C., Teng Z. The Effect of Everyday Moral Sensitivity on Bullying Bystander Behavior: Parallel Mediating Roles of Empathy and Moral Disengagement // *Journal of Interpersonal Violence*. 2023. Vol. 38. № 11—12. P. 7678—7701. DOI:10.1177/08862605221147071

References

1. Zakharova Yu.V. Proyavlenie moral'nogo otchuzhdeniya u psikhologov-konsul'tantov v situatsiyakh professional'nogo vzaimodeistviya s klientami [Moral Disengagement in Counseling Psychologists in Situations of Professional Interaction with Clients]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 123—143. DOI:10.17323/1813-8918-20234-1-123-143 (In Russ.).
2. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psikhologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya [Moral Disengagement: The Psychological Construct and its Measurement]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 16: Psychology. Pedagogy*, 2016, no. 4, pp. 23—39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402 (In Russ.).
3. Killer B., Bussey K., Hawes D.J., Hunt C. A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth. *Aggressive Behavior*, 2019. Vol. 45, no. 4, pp. 450—462. DOI:10.1002/ab.21833
4. Ogunfowora B.T., Nguyen V.Q., Steel P., Hwang C.C. A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work. *Journal of Applied Psychology*, 2022. Vol. 107, no. 5, pp. 746—775. DOI:10.1037/apl0000912
5. Bjärehed M., Sjögren B., Thornberg R., Gini G., Pozzoli T. A short-term longitudinal study on the development of moral disengagement among schoolchildren: the role of collective moral disengagement, authoritative teaching, and student-teacher relationship quality. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15, article ID 1381015. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1381015
6. Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves*. New York: Worth Publishers, 2016. 446 p.
7. Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C. Exposure to Violence during Childhood and Child-to-Parent Violence: The Mediating Role of Moral Disengagement. *Healthcare*, 2023. Vol. 11, no. 10, article ID 1402. 13 p. DOI:10.3390/healthcare11101402

8. Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C. Lagged Effect of Parental Warmth on Child-to-Parent Violence through Moral Disengagement Strategies. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 5, article ID 585. 15 p. DOI:10.3390/children11050585
9. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I., Martín-Mora Parra G. Moral Disengagement as a Moderating Factor in the Relationship between the Perception of Dating Violence and Victimization. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 14, article ID 5164. 14 p. DOI:10.3390/ijerph17145164
10. Detert J.R., Trevino L.K., Sweitzer V.L. Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 2008. Vol. 93, no. 2, pp. 374—391. DOI:10.1037/0021-9010.93.2.374
11. Lo Cricchio M.G., Stefanelli F., Palladino B.E., Paciello M., Menesini E. Development and Validation of the Ethnic Moral Disengagement Scale. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 12, article ID 756350. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.756350
12. Di Pentima L., Toni A., Roazzi A. Parenting Styles and Moral Disengagement in Young Adults: The Mediating Role of Attachment Experiences. *The Journal of Genetic Psychology*, 2023. Vol. 184, no. 5, pp. 322—338. DOI:10.1080/00221325.2023.2205451
13. Farnese M.L., Scafuri Kovalchuk L., Cova E. Ineffective kintsugi: The detrimental contribution of emotional and cognitive factors on psychological contract breach outcomes. *Work*, 2024. Vol. 79, pp. 1091—1102. DOI:10.3233/WOR-230550
14. Ferreiros L., Clemente M. Detection of intimate partner aggression through dark personality and moral disengagement. *Cadernos de Saude Publica*, 2023. Vol. 39, no. 9, article ID e00073523. 12 p. DOI:10.1590/0102-311XEN073523
15. Gürpınar B., Sari I.H., Yildirim H. Perceived coach-created empowering and disempowering motivational climate and moral behaviour in sport: mediating role of moral disengagement. *Journal of Sports Sciences*, 2023. Vol. 41, no. 9, pp. 820—832. DOI:10.1080/02640414.2023.2240614
16. Pereira N.S., Ferreira P.D.C., Veiga Simão A.M., Cardoso A., Barros A., Marques-Pinto A., Ferreira A.I., Primor A.C., Carvalhal S. «It is Typical of Teenagers»: When Teachers Morally Disengage from Cyberbullying. *Spanish Journal of Psychology*, 2022. Vol. 25, article ID e30. 13 p. DOI:10.1017/SJP.2022.27
17. Ke Y., Li F. Moral disengagement, moral identity, and counterproductive work behavior among emergency nurses. *Nursing Ethics*, 2024. Vol. 32, no. 1, pp. 111—124. DOI:10.1177/09697330241238336
18. Kokkinos C.M., Antoniadou N. Understanding Academic Dishonesty in University Settings: The Interplay of Dark Triad Traits and Moral Disengagement. *The Journal of Genetic Psychology*, 2024. Vol. 185, no. 5, pp. 309—322. DOI:10.1080/00221325.2023.2297850
19. Li H., Guo Q., Hu P. Moral disengagement, self-control and callous-unemotional traits as predictors of cyberbullying: a moderated mediation model. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, Article ID 247. 11 p. DOI:10.1186/s40359-023-01287-z
20. Maftai A. The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, article ID 26. 10 p. DOI:10.1186/s40359-023-01063-z
21. Francisco S.M., da Costa Ferreira P., Veiga Sim o A.M., Pereira N.S. Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14, article ID 1061482. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1061482
22. Mohammadpour A., Salehi H., Moghaddam M.B. Psychometric properties of the Persian version of the nursing moral disengagement scale. *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*, 2023 Vol. 16, article ID 15. 16 p. DOI:10.18502/jmehm.v16i15.14614
23. Newman A., Le H., North-Samardzic A., Cohen M. Moral disengagement at work: A review and research agenda. *Journal of Business Ethics*. 2019. Vol. 167, pp. 535—570. DOI:10.1007/s10551-019-04173-0
24. Chávez-Ventura G., Santa-Cruz-Espinoza H., Domínguez-Vergara J., Negreiros-Mora N. Moral Disengagement, Dark Triad and Face Mask Wearing during the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022. Vol. 12, no. 9, pp. 1300—1310. DOI:10.3390/ejihpe12090090
25. Agudelo Rico D., Panesso Giraldo C., Arbel ez Caro J.S., Cabrera Guti rrez G., Isaac V., Escobar M.J., Herrera E. Moral Disengagement in Adolescent Offenders: Its Relationship with Antisocial Behavior and Its Presence in Offenders of the Law and School Norms. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 1, article ID 70. 14 p. DOI:10.3390/children11010070
26. Schübler C., Nicolai S., Stoll-Kleemann S., Bartkowski B. Moral disengagement in the media discourses on meat and dairy production systems. *Appetite*, 2024. Vol. 196, article ID 107269. 11 p. DOI:10.1016/j.appet.2024.107269
27. Morgan B., Fowers B. Empathy and authenticity online: The roles of moral identity, moral disengagement, and parenting style. *Journal of Personality*, 2022. Vol. 90, no. 2, pp. 183—202. DOI:10.1111/jopy.12661
28. Moshagen M., Zettler I., Hilbig B.E. Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 2020. Vol. 32, no. 2, pp. 182—196. DOI:10.1037/pas0000778
29. Zhu W., Wang K., Li C., Tian X., Wu X., Matkurban K., Xia L.X. Neural correlates of individual differences in moral identity and its positive moral function. *Journal of Neuropsychology*, 2024. Vol. 18, no. 3, pp. 427—440. DOI:10.1111/jnp.12371

30. Nichol A.A., Halley M.C., Federico C.A., Cho M.K., Sankar P.L. Not in my AI: Moral engagement and disengagement in health care AI development. *The Pacific Symposium on Biocomputing*, 2023. Vol. 28, pp. 496—506. DOI:10.1142/9789811270611_0045
31. Paul K. Elizabeth Holmes to be sentenced nine months after guilty verdict [Electronic resource]. *The Guardian*, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/13/elizabeth-holmes-sentence-september-fraud> (Accessed 01.10.2024).
32. Jowett G.E., Stanger N., Madigan D.J., Patterson L.B., Backhouse S.H. Perfectionism and doping willingness in athletes: The mediating role of moral disengagement. *Psychology of Sport and Exercise*, 2023. Vol. 66, article ID 102402. 18 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2023.102402
33. Sánchez-Jiménez V., Rodríguez-de Arriba M.L., Muñoz-Fernández N. Is This WhatsApp Conversation Aggressive? Adolescents' Perception of Cyber Dating Aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 19—20, pp. 17369—17393. DOI:10.1177/08862605211028011
34. Saulnier L., Krettenauer T. Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample. *Journal of Adolescence*, 2023. Vol. 95, no. 2, pp. 264—283. DOI:10.1002/jad.12112
35. Kim J., Sijtsema J.J., Thornberg R., Caravita S.C.S., Hong J.S. Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community. *Journal of Youth and Adolescence*, 2024. Vol. 53, pp. 732—743. DOI:10.1007/s10964-023-01916-1
36. Blanco A., Davies-Rubio A., De la Corte L., Mirón L. Violent Extremism and Moral Disengagement: A Study of Colombian Armed Groups. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 1—2, pp. 423—448. DOI:10.1177/0886260520913643
37. Walters G.D. Changes in criminal thinking from midadolescence to early adulthood: Does trajectory direction matter? *Law and Human Behavior*, 2022. Vol. 46, no. 2, pp. 154—163. DOI:10.1037/lhb0000468
38. Moore C., Detert J.R., Baker V.L., Mayer D.M. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement and Unethical Organizational Behavior. *Personnel Psychology*, 2012. Vol. 65, no. 1, pp. 1—48. DOI:10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x
39. Wu W., He Q. The Roles of Moral Disengagement and Learned Helplessness Towards International Postgraduate Students' Academic Procrastination. *Psychology Research and Behavior Management*, 2022. Vol. 15, pp. 1085—1104. DOI:10.2147/PRBM.S343135
40. Xie Z., Liu C., Teng Z. The Effect of Everyday Moral Sensitivity on Bullying Bystander Behavior: Parallel Mediating Roles of Empathy and Moral Disengagement. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023. Vol. 38, no. 11—12, pp. 7678—7701. DOI:10.1177/08862605221147071
- 41.

Информация об авторах

Захарова Юлия Владимировна, клинический психолог, КППТ-практик, преподаватель, исследователь, сооснователь Коллегии по этике психологов и психотерапевтов; частная практика, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info

Information about the authors

Yuliya V. Zakharova, Clinical Psychologist, CBT practitioner, lecturer, researcher, co-founder of the College of Ethics of Psychologists and Psychotherapists; Private practice, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info

Получена 24.12.2023

Принята в печать 25.09.2024

Received 24.12.2023

Accepted 25.09.2024